

Научная статья

УДК 93/94 + 327.2 + 341.24

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-72-91

Сорокин Александр Анатольевич

кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

Соколов Юрий Вячеславович

младший научный сотрудник

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
sapsan118@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1628-8558

ПОДГОТОВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА 1904 г. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются общественно-политические дискуссии по вопросу подготовки и заключения российско-германского торгового договора 1904 г. На материалах центральной и провинциальной периодической печати Российской империи, воспоминаний российских дипломатов, а также документов Государственного совета и Министерства внутренних дел Российской империи показано отношение представителей различных политических кругов России к продлению договора между Россией и Германией, заключенного в 1894 г. Авторы показывают состояние баланса российско-германской торговли к началу переговоров, а также выделяют ключевые проблемы при обсуждении нового договора (принятие нового таможенного тарифа Германией, вызвавшего повышение пошлин на российскую продукцию; высокие ставки на перевозку российских товаров в Германию по железной дороге; фактический запрет на поставку мяса и скота из России). Рассматривается роль российского и германского монархов в переговорном процессе. Показывается влияние Русско-японской войны на процесс переговоров и заключение договора. Анализируется изменение ставок на ряд видов российской продукции по результатам переговоров. Делается вывод, что одним из ключевых пунктов для российской дипломатии являлось обеспечение доступа России к возможности кредитования в Германии в обмен на уступки по размерам пошлин по ряду наименований поставляемой продукции.

Ключевые слова: внешняя политика, Германия, общественное мнение, российско-германский торговый договор, Российская империя.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

Для цитирования: Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Подготовка и заключение российско-германского торгового договора 1904 г. в оценках российской общественности // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 72–91. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-72-91>

Original article

UDC 93/94 + 327.2 + 341.24

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-72-91

Sorokin Alexander A.

Candidate of Historical Sciences

National Research Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

Sokolov Yuriy V.

National Research Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

sapsan118@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1628-8558

PREPARATION AND CONCLUSION OF THE RUSSIAN-GERMAN TRADE TREATY OF 1904 IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN PUBLIC

Abstract. The article examines the socio-political discussions on the preparation and conclusion of the Russian-German trade treaty of 1904. The materials of the central and provincial periodicals of the Russian Empire, memoirs of Russian diplomats, as well as documents of the State Council and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire show the attitude of representatives of various political circles of Russia to the extension of the treaty between Russia and Germany, concluded in 1894. The authors show the state of the balance of Russian-German trade by the beginning of negotiations, and also highlight key issues in the discussion of the new agreement (the adoption of a new customs tariff by Germany, which caused an increase in duties on Russian products; high rates for the transportation of Russian goods to Germany by rail; the de facto ban on the supply of meat and livestock from Russia). The role of the Russian and German monarchs in the negotiation process is considered. The influence of the Russian-Japanese war on the process of negotiations and the conclusion of the treaty is shown. The article analyzes the change in rates for a number of types of Russian products based on the results of negotiations. It is concluded that one of the key points for Russian diplomacy was to ensure Russia's access to the possibility of lending in Germany in exchange for concessions in the amount of duties on a number of products supplied.

Keywords: foreign policy, Germany, public opinion, Russian-German trade agreement, Russian Empire.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

For citation: Sorokin A. A., Sokolov Yu. V. Preparation and conclusion of the Russian-German trade treaty of 1904 in the assessments of the Russian public // *MCU Journal of Historical Studies*. 2025. № 2 (58). P. 72–91. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-72-91>

Введение. К началу XX в. Российская империя находилась в процессе пересмотра отношений с рядом стран, в том числе торгово-экономических, которые либо порождали развитие политических связей, либо, напротив, базировались на уже устоявшихся политических контактах. Российско-германские торговые отношения в этом смысле являлись яркой иллюстрацией второго явления, хотя политически Россия со времен Александра III все более дистанцировалась от Германии. Несмотря на довольно тесные связи, обусловленные в том числе наличием общей границы, конец XIX в. ознаменовался серией таможенных войн, подробно освещенных в российской и зарубежной историографии¹. Сами российско-германские противоречия при заключении торговых договоров в позднеимперский период отчасти были освещены нами в предыдущем исследовании, раскрывающем оценки российской периодической печати, данные процессу подготовки заключения соглашения 1894 г.²

Заключение русско-германского торгового соглашения в 1894 г. не снимало окончательно всех противоречий между странами. Поскольку оно было рассчитано на десять лет, то к началу XX в. встал вопрос о его продлении. Переговорный процесс был тесно связан с принятием таможенных тарифов Германией и Россией в 1902 и 1903 гг. соответственно, о чем уже писалось в исследованиях по российско-германским отношениям³. Укажем также, что

¹ Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 гг. Часть II // *Международный бухгалтерский учет*. 2018. Т. 21, № 8. С. 974–988; Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914 г.). М., 1996; *Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914* / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Göttingen, 2004; *Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894*. Königsberg, 1929, 1929; *Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914*. Frankfurt am Main, 1985.

² Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Вопрос о российско-германском торговом договоре в начале 1890-х гг. в оценках российской периодической печати // *Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов XII Всероссийской научной конференции (Самара, 26 апреля 2024 г.)* / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2024. С. 206–213.

³ Котычев Н. И. Таможенный тариф 1902 года и русско-германские отношения // *Учен. зап. Псковского гос. пед. института*. Псков, 1964. Вып. 19. С. 233–267; Котов Б. С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли) // *Россия и современный мир*. 2019. № 1 (102). С. 14–31; Кукуль Н. В. Германский вопрос в политической жизни России (конец XIX в. – начало Первой мировой войны): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021;

все исследователи обращали внимание преимущественно на экономический и политический аспекты заключения нового договора между Россией и Германией в 1904 г.

В связи с этим в нашем исследовании предпринята попытка на основе материалов Государственного совета Российской империи, отложившихся в фонде министра внутренних дел В. К. Плеве в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); аналитических материалов, российской периодической печати, а также переписки Николая II и Вильгельма II и участвовавшего в переговорах и заключении договора председателя Комитета министров С. Ю. Витте рассмотреть оценки, данные российской общественностью процессу подготовки и заключения российско-германского торгового договора 1904 г.

Ход и результаты исследования. К началу переговоров о новом торговом договоре (срок договора, заключенного 29 января 1894 г., истекал 18 декабря 1903 г.) Россия и Германия имели тесные экономические связи. В 1903 г. Россия экспортировала в Германию товаров на 826,3 млн марок (+8,7 % к 1902 г.), а та, в свою очередь, в Россию — на 378,6 млн марок (+10,2 % к 1902 г.). Россия занимала второе место в числе экспортеров на германский рынок (после США), а для Германии российский рынок был третьим по величине. И если германские товары для российского рынка представляли собой преимущественно готовые продукты (например, шерстяные и мануфактурные изделия), то 92,4 % российских поставок в Германию составляло различное сырье⁴. При этом 73,8 % российского экспорта пришлось на хлеб, составив 279,3 млн марок в денежном выражении⁵.

Вместе с тем в петербургской газете «Заря», которую издавал бывший ранее председателем правления немецкой Сберегательной кассы санкт-петербургских ремесленников, деятельный член Общества содействия русской промышленности и торговле В. В. Ярмонкин, указывалось, что стороны фактически обманывали друг друга, так как по приводимой российской стороной статистике торговли за последние шесть лет с Германией сальдо было в пользу России на 1 200 млн марок, в то время как по германским данным оно было в пользу Германии (на 91 млн руб.)⁶.

В «Заре» также указывалось, что с момента заключения договора 1894 г. стоимость российского экспорта в Германию несколько сократилась, тогда как стоимость германского в Россию, напротив, увеличилась на 66 %, несмотря на «вполне сознательное и ясно выразившееся в конце 80-х годов прошлого столетия общенародное и правительственное стремление к сокращению привоза к нам иностранных товаров и развитию вывоза наших произведений

Острецова М. Л. Русско-германский торговый договор 1904 года // Учен. зап. Московского государственного педагогического института им. В. М. Потемкина. М., 1959. Т. 92 (93). С. 137–216.

⁴ Новое время. 1904. 8 июля.

⁵ К внешней торговле Германии // Гражданин. 1904. № 52. С. 13.

⁶ Заря. 1903. 3 марта.

за границу». Отсюда делался вывод, что за время действия договора 1894 г. Россия только за первые семь лет получила чистого убытка на 570 927 тыс. руб. и все выгоды от его возможного продления получит лишь Германия⁷.

В то же время В. Каспаров и В. Покровский в записке «К вопросу о влиянии русско-германского торгового договора на наш торговый баланс», отложившейся в фонде министра внутренних дел В. К. Плеве в ГАРФ, сделали вывод, что торговый баланс после заключения договора в 1894 г. в первые годы не изменился для России в худшую сторону: напротив, Россия сумела даже увеличить свое присутствие на германском рынке. Что касается некоторого ухудшения торгового баланса в 1895 г. по сравнению с периодом 1885–1892 гг., то это объяснялось одновременным ростом как экспорта, так и импорта, но в связи с низкими ценами на вывозимый хлеб (по сравнению с указанным периодом в 1895 г. стоимость пшеницы упала на 36,0 %, ячменя — на 26,1 %, ржи — на 25,1 %, кукурузы — на 17,9 %, овса — на 17,5 %) экспорт вырос в денежном отношении лишь на 9,4 %, в то время как импорт из Германии — на 28,7 %. Таким образом, это ухудшение было в целом обусловлено не особым характером российско-германской торговли, а исключительно общей структурой российской торговли (весь российский экспорт вырос менее, чем импорт), к тому же германские данные по торговле давали несколько иную картину⁸.

В связи с этим авторы записки отмечали, что, несмотря на понижение некоторых ставок в русском таможенном тарифе, за основными отраслями отечественной промышленности было сохранено достаточное покровительство. Подчеркивалось в итоге, что от договора 1894 г. выиграли обе стороны, что оценивалось вполне благоприятно, поскольку достижение успеха в международных отношениях связывалось с необходимостью соблюдения принципов взаимности и обоюдных уступок⁹.

Секретарь российского посольства в Берлине, а затем министр-резидент при Великогерцогском Гессенском и Герцогском Саксен-Кобург-Готском дворах Л. К. Кнорринг в своих воспоминаниях указывал, что будущий император Вильгельм II в 1888 г., в бытность свою кронпринцем, обещал следовать завету своего умирающего деда поддерживать наилучшие отношения с Россией. Дальнейшее ухудшение отношений двух стран Кнорринг связывал (особенно с началом XX в.) в первую очередь с «национально-шовинистическим настроем», утвердившимся в России, наиболее ярко выразившимся в травле со стороны «Нового времени» (самым активным был лондонский корреспондент Аргус). Именно это обстоятельство и толкало, по его оценкам, правительство и общественное мнение «в объятия сперва Франции, а затем Англии». Результатом стали сложности в отношениях держав: «Взятый политический курс,

⁷ Заря. 1903. 13 апреля.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об. – 6.

⁹ Там же. Л. 13 об.

усиливаясь все более и более, сделался основным препятствием к дальнейшему влиянию личных прекрасных отношений обеих государей, отзывавшихся также на политике обеих правительств». Вильгельм же, по оценкам Кнорринга, дорожил дружбой с Россией даже после удаления Бисмарка и денонсации договора о взаимном страховании¹⁰.

В свою очередь, российский историк Н. В. Кукиль указывал, что «российская экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но одновременно с этим она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом», а представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими державами¹¹.

Вопрос о заключении нового договора начал прорабатываться еще на рубеже XIX–XX вв. В октябре 1900 г. министр-резидент при дворе Великого герцога Ольденбургского и Сенате вольных городов Гамбурга и Любека С. В. Арсеньев доносил из Гамбурга, что в печатном органе местной биржи *Hamburger Handelsblatt* указывалось на то, что Германия понизит пошлины на ввозимый из России хлеб, если со стороны России последует согласие на уменьшение пошлин на германские железо, каменный уголь и железные изделия¹². Кроме того, по его данным, исходя из сведений 1899 г., Германия могла себя полностью обеспечить продовольствием: картофелем — на 99,8 %, овсом — на 95,8 %, рожью — на 94,9 %, пшеницей — на 69,7 %, ячменем — на 67,3 %¹³.

Проблема будущего российско-германского договора была озвучена на заседании Гамбургской торговой палаты 31 декабря 1900 г., об итогах которого российские дипломаты проинформировали Министерство финансов и Министерство иностранных дел. Так, председателем палаты было высказано предостережение от новой торговой войны, поскольку такие войны для Германии как фабричной державы всегда были более тяжелы. Таким образом, указывалось, что если аграрии будут добиваться односторонних выгод для себя путем повышения ввозных пошлин, что должно привести к ущербу для торговцев, то торговцы тоже должны воспользоваться всеми доступными средствами, чтобы защитить свои интересы. Подчеркивалось также, что повышение ввозных пошлин на хлеб ударит по бюджету практически всех германских семей, в то время как выгоду от этого «за счет всего народа» извлекут не более 1,3 млн землевладельцев из более чем 5,5 млн. В связи с этим в принятой палатой резолюции особо отмечалось, что повышение ввозных пошлин выше уже установленных затруднит или сделает вовсе невозможным заключение новых торговых договоров, не принесет особых выгод для германского сельского

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6373. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹ Кукиль Н. В. Указ. соч. С. 113.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 3136. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 32 об.

хозяйства, но неизбежно тяжело отзовется на промышленности и беднейших слоях местного населения¹⁴.

Еще до 1902 г., когда последовало принятие нового германского таможенного тарифа, представители германского правительства в личных беседах с членами российского правительства выражали заинтересованность в том, чтобы не прибегать к денонсации соглашения 1894 г., а обменяться мнениями и затем приступить к переговорам относительно заключения нового договора, который мог бы стать приложением к предыдущему. Затем 8 января 1903 г. германское правительство направило ноту, в которой указывалось, что оно готово приступить к немедленным переговорам о заключении нового договора, причем уточнялось, что переговоры подобного рода не будут вестись с каким-либо государством ранее, чем с Россией. Предполагалось, что договор 1894 г. в общем виде будет сохранен, а необходимые изменения и дополнения в него будут изложены в особой конвенции. Германская сторона исходила также из того, что переговоры будут проходить с учетом действовавшего российского тарифа и нового германского тарифа (принятого 25 декабря 1902 г.)¹⁵.

Необходимо отметить и интерес российских представителей ряда отраслей к германскому рынку. В частности, накануне съезда сельских хозяев Северо-Западного края в 1903 г. в «Виленском вестнике» указывалась такая заинтересованность Берлина в поставках российского сладкого сливочного масла, причем подчеркивалось, что именно губернии данного края могли бы более всего выиграть при установлении соответствующих торговых отношений, поскольку они являлись пограничными¹⁶.

Вместе с тем вопрос о таможенных тарифах, актуальный еще в ходе переговоров России и Германии в конце XIX в., в 1902 г. приобрел новую остроту, поскольку германское правительство, желая привлечь на свою сторону партию аграриев для проведения ряда законопроектов, инициировало значительное повышение таможенных ставок на сельскохозяйственные продукты (прежде всего на зерно и скот). В результате во втором чтении правительственного проекта тарифные ставки на рожь были подняты на 57 %, на пшеницу — на 71 %, ячмень — 175 %, овес — 196 % (само правительство предлагало не столь значительное, хотя и ощутимое повышение на 43, 57, 50 и 178 % соответственно). В денежном выражении минимальные пошлины по новому тарифу превышали нормы договора 1894 г. на 11 коп. с пуда для ржи, на 15 коп. для пшеницы и на 17 коп. для овса¹⁷. С точки зрения С. Н. Южакова, который вел политическое обозрение в «Русском богатстве», это должно было привести к серьезному материальному ущербу для России, а также ряда других стран¹⁸.

¹⁴ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3136. Л. 63 об. – 64 об.

¹⁵ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 224.

¹⁶ Виленский вестник. 1903. 16 марта.

¹⁷ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 223.

¹⁸ Южаков С. Н. Политика // Русское богатство. 1902. № 10. Отд. II. С. 155–157.

Эта проблема отмечалась и в газете «Киевские отклики», в «Политическом обозрении» которой указывалось, что с момента заключения договора в 1894 г. расклад политических сил в Германии существенно изменился: партия центра, которая составляла большинство в рейхстаге, стала окончательно аграрно-протекционистской, выступающей против заключения торговых договоров и нацеленной на проведение политики протекционизма при активной поддержке сельских хозяев и металлургов¹⁹. Н. В. Кукиль отмечает, что увеличение Германией тарифных ставок на ввозимую из России сельскохозяйственную продукцию было следствием экономического кризиса 1900–1903 гг.²⁰ Как бы то ни было, принятые в 1902 г. таможенные тарифы существенно ограничивали возможности правительства Германии в деле переговоров с Россией, в связи с чем в российской печати констатировалось, что в случае провала переговоров новая таможенная война, которая окажется губительной для обеих сторон, станет неизбежной²¹.

Министерство финансов Российской империи в связи с принятием нового таможенного тарифа в Германии констатировало, что при таких ставках переобложение русского хлеба составило бы от 78 до 110 млн марок²². Буквально вскоре после принятия германского тарифа Россией был подготовлен новый общетамженный тариф по европейской торговле, принятый в январе 1903 г. Одной из его отличительных особенностей было то, что пошлины на ввозимые в Россию морским путем товары были на 20 % ниже, чем на товары, доставляемые по суше. В связи с этим в газете «Бакинские известия» утверждалось, что это был прямой ответ на германские тарифы и делался вывод о неизбежности новой таможенной войны в случае, если в ходе предстоявших в мае 1903 г. парламентских выборов в Германии победу одержат сторонники протекционизма²³.

Публицист П. А. Берлин, проживший несколько лет в Германии, писал по этому поводу, что в случае такой войны Россия, возможно, одержит победу, но вместе с тем указывал, что тезис «Германии больше досталось» не станет утешением для русского народного хозяйства, которое также пострадает. Это объяснялось тем, что увеличение новым российским тарифом пошлин на химические товары, сельскохозяйственные машины и металлы (т. е. на основные позиции германского экспорта в Россию) на 50–200 % приведет к уменьшению их поставок (что вызвало бы падение таможенных доходов российской казны) и резкому увеличению цен на различные виды продукции на российском рынке. Такая тенденция привела бы к необходимости крестьянам продавать еще больше хлеба (даже под угрозой голода), но за счет аграрного протекционизма Германии сбывать его станет гораздо труднее.

¹⁹ Киевские отклики. 1903. 23 ноября.

²⁰ Кукиль Н. В. Указ. соч. С. 96–97.

²¹ Киевские отклики. 1903. 23 ноября.

²² РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 223.

²³ Бакинские известия. 1903. 31 января.

Подобная ситуация, по мнению Берлина, требовала пересмотра финансовой системы, основанной на усиленном вывозе хлеба за рубеж (в том числе и за счет сокращения личного потребления). В связи с этим предлагалось, напротив, смягчить политику протекционизма и «искусственного вскармливания промышленности», чтобы добиться удешевления промышленной продукции на российском рынке и увеличить внутренний спрос на нее, а также за счет этого прийти к такому уровню благосостояния, когда не потребуется поставлять на экспорт огромное количество хлеба ценой собственных жертв²⁴.

Вместе с тем в «Русском вестнике» поднималась проблема неравноправия железнодорожных тарифов, применяемых Германией по отношению к российским товарам. Размеры провозной платы по германским железным дорогам указаны ниже в таблице 1. Данные приведены из расчета стоимости перевозки 100 кг груза в марках, при весе груза в минимальном (менее 5 000 кг) и максимальном (от 10 000 кг) значениях.

Таблица 1

**Сравнение тарифов Германии на перевозку ряда товаров
в Россию и из России по железной дороге²⁵**

Продукт	Тариф при ввозе из России, от Берлина до Вержболово		Тариф при вывозе из России, от Вержболово до Берлина	
	Менее 5 тыс. кг	Свыше 10 тыс. кг	Менее 5 тыс. кг	Свыше 10 тыс. кг
Алебастр	3,89	2,59	8,15	4,45
Чай	3,89	2,59	8,15	4,45
Виноградное вино	3,89	2,59	8,15	4,45
Мед	3,89	2,59	8,15	4,45
Жесть	3,89	1,3	5,93	2,59
Железо и сталь	3,89	1,3	5,93	2,59
Чугун	3,89	1,3	5,93	1,63
Земледельческие орудия	3,89	1,48	5,93	3,33
Кожи и шкуры	3,89	2,59	8,15	2,96
Масло и сыр	3,89	2,59	8,15	4,45
Медные изделия	3,89	1,48	5,93	4,45
Мясо домашних животных	3,89	2,59	8,15	4,45
Табак, табачные изделия	3,89	2,59	8,15	4,45
Хлопок	3,89	2,59	8,15	3,33

Из представленной таблицы видно, что на рассмотренную нами номенклатуру товаров тарифы на перевозку российских товаров отличались от аналогичных тарифов для германских, причем превышение первых над вторыми составляло от 52,4 до 109,5 % (при минимальном объеме груза) и от 25,4 до 200,6 % (при максимальном). Это позволяло обозревателю «Русского

²⁴ Бакинские известия. 1903. 21 февраля.

²⁵ С. А. К. Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1904. Т. 292. Июль. С. 451–452.

вестника» сделать вывод, что за счет таких тарифов на перевозку «мы свели почти на нет наши таможенные пошлины, тогда как немцы чуть их не удвоили, хитро и умно воспользовавшись своими железнодорожными тарифами»²⁶.

С точки зрения редакции «Зари», сама попытка поощрять развитие международной торговли в любом случае является обманом, поскольку, чтобы попасть на рынок того или иного государства товарам, обложенным в стране ввоза высокой пошлиной, страна вывоза была вынуждена возвращать отправителям их акциз (или другой сбор), т. е. фактически выдавать премии экспортерам²⁷.

В июне 1903 г. Германии был передан перечень российских пожеланий в виде ключевых положений, которые должны были лечь в основу нового соглашения. В их число входили отмена действовавших стеснительных мер, применяемых по отношению к ввозу из России живого скота, мяса, птицы и продуктов животноводства (в соответствии с германским законом 3 июня 1900 г. о досмотре убойного скота и мяса под предлогом санитарно-ветеринарных норм из России мясо не пропускалось); принятие мер против существовавших в Германии промышленных союзов, сбывающих товар за рубеж по искусственно заниженным ценам и тем самым ослабляющих значение российских пошлин; изложение в новом договоре постановления о наибольшем благоприятствовании, не дающем возможности обложения российских товаров дифференциальными пошлинами, для исключения ситуаций по типу применения ставок к русскому сахару на основании постановлений Брюссельской сахарной конвенции. Заявлялось также о необходимости понижения тарифных ставок на российский хлеб до уровня, максимально близкого к нормам соглашения 1894 г., а по прочим интересующим российскую сторону товарам — непосредственно до норм указанного соглашения²⁸.

В августе 1903 г. по инициативе германской стороны в Санкт-Петербурге состоялась конференция делегатов, однако она не привела к значимым результатам, поскольку ее инициаторы оказались готовы лишь на незначительные уступки России. Следующий раунд переговоров прошел уже в ноябре 1903 г. в Берлине. Состав российской делегации был сформирован из представителей министерства финансов и министерства иностранных дел с привлечением консультантов из министерств внутренних дел и государственных имуществ. Однако в ходе берлинских консультаций и вовсе не удалось приступить к обсуждению тарифов, поскольку Германия категорически отказалась понижать ставки на хлеб и отменять запрет на поставки из России скота и продуктов животноводства. Там же главе русской делегации, товарищу министра финансов тайному советнику В. И. Тимирязеву германский статс-секретарь по иностранным делам вручил новый перечень предлагаемых со стороны Германии

²⁶ С. А. К. Внутреннее обозрение. С. 453.

²⁷ Заря. 1903. 3 марта.

²⁸ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 226.

уступок и пожеланий по пересмотру отдельных российских таможенных ставок. При этом было заявлено, что правительство Германии не имеет возможности понизить минимальный размер пошлин на хлеб, уступки по остальным продуктам в пользу России возможны лишь при возврате российских ставок в отношении германских товаров к нормам соглашения 1894 г., а отмена ограничений на ввоз скота невозможна ввиду состояния санитарно-ветеринарных условий в России²⁹.

30 декабря 1903 г., рассмотрев данное предложение, российское правительство направило ноту, в которой заявило, что данные условия считает неприемлемыми как создающие неравенство в российско-германской торговле, поскольку в таком случае российская сторона переплачивала бы по пошлинам порядка 33,5 млн марок ежегодно, в то время как германская сохраняла бы все льготы, закрепленные в договоре 1894 г. В то же время было отмечено, что российское предложение было последним (т. е. окончательным)³⁰.

После этого переговоры были приостановлены, и лишь 1 мая 1904 г. под председательством С. Ю. Витте было проведено совещание при участии министров финансов, иностранных дел, внутренних дел, государственных имуществ, земледелия, а также главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, в ходе которого был сделан вывод о возможности заключения соглашения на основании минимальных пошлин германского тарифа, но при условии достижения во всех прочих частях соглашения как можно более благоприятных для России условий³¹. С. Ю. Витте писал в своих воспоминаниях о том, что Вильгельм II обратился к Николаю II с просьбой заключить договор на условиях нового германского таможенного тарифа сразу после начала войны, одновременно заверив в нерушимости российских западных границ, и этой просьбе в совещании было уделено серьезное внимание (наиболее активно эту аргументацию использовал великий князь Александр Михайлович, после чего участвовавший в совещании министр внутренних дел В. К. Плеве заявил, что ущерб, который российское сельское хозяйство понесло бы от заключения договора на германских условиях, можно будет покрыть иными способами)³².

Проходившая в то время Русско-японская война (хотя Германия не являлась ее участником) приводила к инцидентам: так, следовавший в Японию германский пароход *Prinz Heinrich* был задержан русским крейсером «Смоленск», после чего была изъята вся находившаяся на немецком судне корреспонденция, предназначенная для доставки в Японию. Издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский прямо связывал заключение договора с участием России в войне (более подробно о зависимости России от Германии в период

²⁹ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 227.

³⁰ Там же. Л. 228

³¹ Там же. Л. 229.

³² *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 2022. С. 556–557.

войны указано в отдельных современных исследованиях³³). Он исходил из того, что если бы не это обстоятельство, то изначальные позиции переговорщиков были бы равны, однако ведение войны Россией фактически давало возможность Германии заявить о своей нужности для России, что тут же степень полезности первой для второй ставило в зависимость от российской уступчивости в процессе переговоров о новом торговом договоре³⁴.

В связи с этим Мещерский предлагал отрешиться от возможных предрасудков и рассуждать исключительно с позиции государственных и экономических интересов. А экономические интересы, как он признавал, находились в тесном переплетении с политическими. С одной стороны, при предлагаемых Германией условиях российские поставщики хлеба недополучали бы 12 коп. с каждого поставленного пуда. С другой стороны, в случае отказа от заключения договора Россия лишилась бы преимущества минимального таможенного обложения товаров, уступила бы значительный по размеру рынок сбыта хлеба другим странам, а при начале поставок хлеба при отсутствии нового договора потери российских поставщиков составили бы уже 50 коп. с пуда. Кроме того, Мещерский исходил из того, что попытка германского императора Вильгельма II заручиться поддержкой местных аграриев оказалась бы ударом по самой Германии, ибо он был убежден, что ослабление России неизбежно повлечет за собой и ослабление Германии³⁵.

29 марта 1904 г. Вильгельм II направил Николаю II письмо, в котором мягко упрекал его за задержку с заключением договора: «В конце концов, невозможно же ждать вечно, принимая во внимание, что столько месяцев уже прошло совершенно бесплодно»³⁶. 19 мая последовал ответ, в котором указывалось, что было дано поручение министрам смягчить требования, а Витте рекомендовано учесть немецкие предложения, чтобы не затягивать заключение договора. Главным затруднением сам российский император считал вопрос о размере пошлин на рожь и пшеницу, которые могли нанести «нашему земледелию тяжкий и жестокий удар». Выбор места для проведения переговоров он предоставлял германскому монарху³⁷.

По воспоминаниям Витте, совещание сочло возможным пойти на уступки Германии, но при условии открытия для России доступа к возможности получения займов. Это заключение было одобрено Николаем II, который дал поручение Витте войти в переговоры с канцлером Германии относительно заключения договора в как можно более короткий срок на упомянутых основаниях³⁸.

³³ Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону, 2002. С. 55.

³⁴ Дневники // Гражданин. 1904. № 37. С. 16.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / с предисл. М. Н. Покровского. М.; Пг., 1923. С. 58.

³⁷ Там же. С. 61.

³⁸ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 557.

Отметим, что определенное беспокойство выражала и германская сторона. В «Новом времени» упоминалось, что находившийся в Берлине Русско-германский союз направил канцлеру Бюлову ходатайство, в котором были перечислены пожелания относительно основ будущего договора между Россией и Германией. В нем указывалось, что ставки нового российского таможенного тарифа делали невозможным дальнейший экспорт в Россию германских продуктов, которые и при ранее действовавших ставках поставлялись в сокращенных объемах. Негативно Союз отнесся и к той норме тарифа, согласно которой ввозимые в Россию товары сухопутным способом облагались по большей ставке, чем те, которые доставлялись морем. Более того, утверждалось, что эта мера была принята специально против Германии, поэтому ее отмены следовало добиваться в числе первых. При этом констатировалось, что и германской стороне придется пойти для выполнения этих целей на учет интересов российских экспортеров. С точки зрения «Нового времени» это служило примером сложности достижения компромисса двух держав при заключении нового торгового договора, причем ответственность за их успех возлагалась именно на германскую сторону, которой следовало учитывать интересы российских поставщиков товаров в Германию³⁹.

Германская печать обращала внимание на ряд тонкостей дипломатического свойства. Предыдущий договор был подписан в Берлине, поэтому, исходя из этикета, новый следовало бы подписать в Санкт-Петербурге. Однако российская делегация сама прибыла в Берлин, и, как сообщал корреспондент «Нового времени» Н. К. Мельников, для местной прессы это было знаком того, что Россия готова подписать договор на любых условиях, если не настаивает на соблюдении дипломатического этикета. Правда, по оценкам «Нового времени», эта позиция была не более чем заблуждением, поскольку приезд российской делегации стал результатом личной просьбы императора Вильгельма II, пренебрежение которой было бы куда большим нарушением этикетных норм. Возможным камнем преткновения называлось то обстоятельство, что российская сторона была готова согласиться на минимальные ставки Германии на российский хлеб, но при этом собиралась отстаивать те пошлины, которые были приняты на германские товары, что совсем не устраивало немцев, особенно в отношении продукции химической промышленности. Мельников указывал также на еще один возможный проблемный момент в переговорах: Германия настаивала на жестком соблюдении германских санитарных норм при поставках российских продуктов скотоводства. Такое же требование ею было выдвинуто и к Австрии при обсуждении схожего договора, и именно по этой причине австрийская сторона к тому моменту его так и не подписала⁴⁰.

В «Русском вестнике» выражалась слабая надежда, что российская делегация, ранее отказавшаяся принять жесткие требования германской стороны, сможет отстоять свою позицию и на этот раз (в противном случае предстояло

³⁹ Новое время. 1904. 1 июля.

⁴⁰ Там же. 2 июля.

«опять закабалить себя на много лет»), однако подчеркивалось, что это будет непросто, поскольку немцы выбрали для переговоров именно тот момент, когда Россия сражалась с Японией и имела также и внутривосточные проблемы⁴¹.

Сами переговоры проходили первоначально в Нордерне (Саксония), а затем в Берлине. В состав российской делегации входили председатель Комитета министров С. Ю. Витте, берлинский агент министерства финансов В. Я. Голубев, товарищ министра финансов В. И. Тимирязев и его помощники, В. В. Прилежаев и вице-директор Департамента торговли и мануфактур Н. П. Ланговой. Согласно воспоминаниям Витте, наиболее проблемным оказался пункт о доступе России к германским займам, поскольку канцлер Бюлов находил это весьма проблематичным ввиду провозглашенного Вильгельмом II принципа «немецкие деньги для немцев», который исключал кредитование иностранных держав. Однако Витте проявил настойчивость и отказался подписывать договор, пока в нем не будет соответствующего пункта, после чего Бюлов получил письмо о разрешении займов, и лишь тогда состоялось подписание⁴².

15 (28) июля 1904 г. договор был подписан и должен был вступить в силу в 1906 г. В отложившейся в фондах Российского государственного исторического архива документации Государственного совета по вопросам заключения договора указывалось, что в результате взаимных уступок задача сохранения существовавшего равновесия экономических отношений была выполнена, поскольку разница между переобложением германского экспорта в Россию и российского экспорта в Германию должна была достигнуть порядка 2 млн руб. в пользу российской стороны. Указывалось также, что отмена повышенной надбавки в 20 % на товары, доставляемые по суше из Германии, в сущности, приобрела символический характер, поскольку новый российский таможенный тариф еще не вступил в силу. В целом власти оценивали итоги переговоров как положительные, отмечая, что «усиление по русскому конвенционному тарифу таможенной охраны для некоторых отраслей нашей промышленности будет, по мере их развития, содействовать увеличению покупательной силы нашего рабочего населения, следовательно, и усилению внутреннего спроса на хлеб»⁴³.

Удалось, помимо прочего, добиться некоторых подвижек в решении «сахарного вопроса»: Германия, подписав Брюссельскую сахарную конвенцию 1902 г., должна была применять к российскому сахару повышенную ввозную пошлину (поскольку Россия не присоединилась к данному акту), однако договор 1904 г. предусматривал, что эта пошлина не будет распространяться на тот сахар, который стал бы идти через Германию транзитом в другие страны⁴⁴.

Компромисс был достигнут и по ставкам на значительное количество сельскохозяйственных культур⁴⁵, что отражено в таблице 2.

⁴¹ С. А. К. Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1904. Т. 292. Июль. С. 453.

⁴² Витте С. Ю. Указ. соч. С. 559.

⁴³ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 242.

⁴⁴ Там же. Л. 243.

⁴⁵ По данным: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 262–284.

Таблица 2

Изменение размера пошлин на российские товары в договоре 1904 г.

Культура	Ставка по конвенции 1894 г.	Ставка по германскому тарифу 1902 г.	Ставка по договору 1904 г.
Ячмень	2 марки	4–7 марок	1,3 марки
Горох	1,5 марки	4 марки	1,5 марки
Чечевица	1,5 марки	4 марки	1,5 марки
Кормовые бобы	1,5 марки	2,5 марки	1,5 марки
Вика	1,5 марки	2,5 марки	1,5 марки
Рапс	2 марки	5 марок	2 марки
Сурепка	2 марки	5 марок	2 марки
Льняное и конопляное семя	Беспощинно	0,75 марки	Беспощинно
Семя клевера	Беспощинно	5 марок	Беспощинно
Хмель	14–20 марок	70 марок	20 марок
Строительный и поделочный лес (необработанный)	1,2 марки с м ³	1,2 марки с м ³ для мягких пород, 1,8 марки с м ³ для твердых пород	0,72 марки с м ³ для мягких пород, 1,08 марок с м ³ для твердых пород
Отесанный лес	1,8 марки с м ³	3 марки с м ³ для мягких пород, 4 марки с м ³ для твердых пород	1,44 марки с м ³ для мягких пород, 1,92 марок с м ³ для твердых пород
Пиленый лес	4,8 марки с м ³	7,5 марок с м ³ для мягких пород, 10 марок с м ³ для твердых пород	4,8 марки с м ³ для мягких пород, 6,4 марки с м ³ для твердых пород
Лошади	20 марок с головы + 10 марок для лошадей не старше двух лет	90–360 марок с головы, дополнительно 30 марок с каждой лошади стоимостью до 300 марок и ростом ниже 140 см	72 марки с головы для лошадей ценой до 1000 марок
Свиньи	5 марок с головы	18 марок с 100 кг живого веса	9 марок с 100 кг живого веса
Живая птица	Беспощинно	24 марки с 100 кг для гусей, 6 марок с 100 кг для остальной птицы	Беспощинно для гусей, 4 марки с 100 кг для остальной птицы

Мясо	15 марок за 100 кг свежего мяса (кроме свинины), 17 марок за 100 кг свиного или приготовленного мяса	45 марок за 100 кг свежего мяса, 60 марок за 100 кг приготовленного мяса	Разрешение на поставку приготовленного по нормам закона 3 июня 1900 г. мяса, при ставке 35 марок за 100 кг
	Птица и дичь	12 марок за 100 кг битой птицы, 20 марок за 100 кг битой дичи	15 марок за 100 кг битой птицы, 20 марок за 100 кг битой дичи или приготовленной битой птицы
Икра	150 марок за 100 кг	300 марок за 100 кг	150 марок за 100 кг
	Масло коровье	16 марок за 100 кг	20 марок за 100 кг
Яйца и яичные желтки	2 марки за 100 кг яиц, 3 марки за 100 кг желтков	6 марок за 100 кг яиц, 8 марок за 100 кг желтков	2 марки за 100 кг яиц и желтков
	Горчица молотая	4 марки за 100 кг	3 марки за 100 кг
Минеральные масла	6 марок за 100 кг очищенных масел, 10 марок за 100 кг смазочных масел и дополнительная надбавка 25 % с наливных грузов по весу нетто	6 марок за 100 кг очищенных масел, 10 марок за 100 кг смазочных масел и дополнительная надбавка 25 % с наливных грузов по весу нетто	6 марок за 100 кг очищенных и смазочных масел и дополнительных надбавка 25 % с наливных грузов по весу нетто
	Ртуть	Беспощинно	Беспощинно
Масла эфирные	Беспощинно для скипидарного и соснового масел, 0 марок за 100 кг анисового масла	Беспощинно для скипидарного и соснового масел, 30 марок за 100 кг анисового масла	Беспощинно для скипидарного и соснового масел, 20 марок за 100 кг анисового масла

Безусловным достижением стало понижение ставок на российский ячмень даже по сравнению с тарифом 1894 г. В ходе переговоров и с учетом того, что поставки ячменя в Германию только росли (в 1901 г. в денежном выражении ячмень составил 22 % от всех поставленных зерновых, в 1902 г. уже 27 %, сам объем поставляемого ячменя в 1903 г. увеличился по сравнению с 1901 г. на 125 %), германское правительство понизило пошлину на кормовой ячмень до 1,3 марки⁴⁶.

Удалось добиться существенного успеха и в вопросе поставок скота. По общему порядку, ввоз его из России в Германию был запрещен к моменту заключения договора, и лишь в порядке исключения разрешалось поставлять не более 1 350 голов свиней в округа Верхней Силезии. Поскольку в среднем каждая свинья весила около 10 пудов, то по тарифу 1902 г. ставка выросла почти в шесть раз с головы. Задача-максимум в этом вопросе для российских дипломатов состояла в уменьшении такой ставки, а также в снятии ограничений на поставки. Германское правительство не нашло возможным пойти на уступки до такой степени, однако в ходе переговоров удалось понизить пошлину вдвое по сравнению с 1902 г., а также увеличить количество разрешаемых к ввозу свиней до 2 500 голов⁴⁷.

В целом по 25 основным номенклатурам поставляемых из России в Германию товаров по пяти группам (ячмень, необработанный лес, яйца и яичные желтки, горчица молотая и минеральные масла) российским дипломатам удалось добиться даже улучшения (по сравнению с договором 1894 г.) условий обложения, а еще по 11 сохранить ставки 1894 г., существенно повышенные тарифом 1902 г. Ухудшились по сравнению с 1894 г., но улучшились по сравнению с 1902 г. условия по таким группам товаров, как хмель, пиленый лес, отесанный лес (частично, поскольку, по сравнению с 1894 г., в 1902 г. стали применяться отдельные ставки для древесины мягких и твердых пород), лошади, свиньи, живая птица, мясо, птица и дичь, масло коровье.

Газета «Новое время», комментируя положительные отзывы о факте заключения договора, опубликованные в официальной германской печати, отмечала, что «это чувство разделяется всеми благомыслящими людьми в России, всегда дорожившими дружбой с Германией и особенно чутко оценивающими всякое ее подтверждение в теперешнее нелегкое для России время»⁴⁸.

Вместе с тем отрицательно к сближению с Германией относился публиковавшийся в газете «Слово» один из организаторов Русского собрания и бывший член редколлегии «Нового времени» С. Н. Сыромятников: «Находясь в экономическом рабстве у Германии, мы никогда не можем быть спокойны за судьбу свою и за интересы славянства — нашего авангарда в Западной Европе». Сворачивание же отношений с ней в период руководства министерством

⁴⁶ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 262–263.

⁴⁷ Там же. Л. 272–274.

⁴⁸ Новое время. 1904. 19 июля.

финансов И. А. Вышнеградским, напротив, расценивалось им как благо, поскольку это позволило избежать серьезных проблем: предполагалось, что в противном случае «за нашим финансовым крахом последовало бы занятие пруссаками русской Польши»⁴⁹.

Однако основные положения договора для российской общественности долгое время оставались непубличной информацией. Так, обозреватели «Вестника Европы» смогли дать комментарий по договору лишь в феврале 1905 г., причем особо отмечая, что они вынуждены руководствоваться лишь сведениями из германской печати. В связи с этим указывалось, что для немцев договор был результатом в том числе и широкого обсуждения, «плодом внимательного взвешивания и соглашения между парламентскими деятелями и правительством», в то время как за российских аграриев и промышленников «действовало лишь несколько чиновников нашего министерства финансов»: «Эти компетентные чиновники избавили русское общество от ненужных разногласий и споров, взяв на себя окончательное секретное установление тех уступок, которые требуются от нашего народного хозяйства в пользу Германии»⁵⁰.

Заключение. В отличие от процесса подготовки предыдущего российско-германского торгового договора 1894 г. российская периодическая печать уделяла гораздо меньше внимания как собственно состоянию торговли между Россией и Германией, так и вопросам подписания нового соглашения. Вместе с тем в обществе так и не сложилось единого мнения о том, каков был результат (положительный или отрицательный) для России от подписания договора в 1894 г. В свою очередь, как российские, так и германские производители были заинтересованы в развитии дальнейших торговых отношений. Однако попытки сближения со сторонниками протекционизма для германского правительства обернулись принятием довольно жесткого протекционного тарифа в 1902 г., следствием чего стал новый виток таможенной войны с Россией, в ответ принявшей новый тариф в 1903 г. В заключении договора 1904 г. была высока роль личных контактов российского и германского монархов, а также заинтересованность России в скорейшем решении этой проблемы ввиду продолжающейся войны с Японией. Именно этим и объясняется ряд уступок германской стороне в процессе переговоров, а также стремлением получить доступ к германскому денежному рынку (что не афишировалось публично, но фактически являлось одним из ключевых вопросов для России при подписании договора). Во многом закулисный характер переговоров и предопределил слабовыраженную реакцию российской печати на сам факт заключения договора.

⁴⁹ Слово. 1905. 11 августа.

⁵⁰ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1905. Кн. 2. С. 844.

Литература

1. Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 гг. Часть II // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 8. С. 974–988. <https://doi.org/10.24891/ia.21.8.974>
2. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Новосибирск: Сибирское соглашение; Ростов н/Д: Феникс, 2002. 350 с.
3. Копычев Н. И. Таможенный тариф 1902 года и русско-германские отношения // Ученые записки Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. Вып. 19. Общественные и исторические науки. Псков, 1964. С. 233–267.
4. Котов Б. С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли) // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 14–31. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.02>
5. Кукиль Н. В. Германский вопрос в политической жизни России (конец XIX в. – начало Первой мировой войны): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 226 с.
6. Острецова М. Л. Русско-германский торговый договор 1904 года // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. М. Потемкина. М., 1959. Т. 93. Вып. 5: Кафедра истории нового времени. С. 137–216.
7. Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Вопрос о российско-германском торговом договоре в начале 1890-х гг. в оценках российской периодической печати // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов XII Всероссийской научной конференции (Самара, 26 апреля 2024 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Самарама, 2024. С. 206–213.
8. Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914 г.). М.: ИРИ, 1996. 271 с.
9. Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914 / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 327 p.
10. Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894. Königsberg, 1929. 219 p.
11. Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1985. 272 p.

References

1. Zhil'tsova Yu. V., Zhil'tsova A. V. Russko-germanskaia tamozhennaia voina i trgovye dogovory 1893 i 1904 gg. Chast' II [The Russian-German customs war and trade agreements of 1893 and 1904. Part 2] // International Accounting. 2018. Vol. 21. № 8. P. 974–988. <https://doi.org/10.24891/ia.21.8.974> (In Russ.).
2. Kazantsev Yu. I. Mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Rossii (XX vek) [International relations and foreign policy of Russia (XX century)]. Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie; Rostov-na-Donu: Feniks, 2002. 350 p. (In Russ.).
3. Kopychev N. I. Tamozhennyi tarif 1902 goda i russko-germanskie otnosheniia [The 1902 customs tariff and Russian-German relations] // Uchenye zapiski Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. S. M. Kirova. Vyp. 19. Obshchestvennye i istoricheskie nauki [Scientific notes of the Pskov State Pedagogical Institute named

after S. M. Kirov. Issue 19. Social and historical sciences]. Pskov, 1964. P. 233–267. (In Russ.).

4. Kotov B. S. Rossiisko-germanskiiye torgovyye otnosheniia na rubezhe XIX–XX vv. (Na primere khlebnoi torgovli) [Russian-German trade relations in the late 19th – 20th centuries. (On the example of grain trade)] // *Russia and the Contemporary World*. 2019. № 1 (102). P. 14–31. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.02> (In Russ.).

5. Kukil N. V. Germanskii vopros v politicheskoi zhizni Rossii (konets XIX v. – nachalo Pervoi mirovoi voyny) [The German question in the political life of Russia (the end of the 19th century – the beginning of the First World War)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences, Moscow, 2021. 226 p. (In Russ.).

6. Ostretsova M. L. Russko-germanskii torgovyi dogovor 1904 goda [The Russian-German trade agreement of 1904] // *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. M. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. M. Potemkin]. Moscow, 1959. Vol. 93. № 5: Department of Modern History. P. 137–216. (In Russ.).

7. Sorokin A. A., Sokolov Yu. V. Vopros o rossiisko-germanskom torgovom dogovore v nachale 1890-kh gg. v otsenkakh rossiiskoi periodicheskoi pechati [The issue of the Russian-German trade agreement in the early 1890s in the assessments of the Russian periodical press] // *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriia i sovremennost': sbornik materialov XII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Samara, 26 apreliia 2024 g.)* [Russia's foreign policy interests: History and Modernity: a collection of materials from the XII All-Russian Scientific Conference (Samara, April 26, 2024)] / ed. by A. N. Skvoznikov. Samara: Samarama, 2024. P. 206–213. (In Russ.).

8. Subbotin Yu. F. Rossiia i Germaniia: partnery i protivniki (torgovyye otnosheniia v kontse XIX veka – 1914 g.) [Russia and Germany: partners and opponents (trade relations at the end of the 19th century – 1914)]. Moscow: IRI, 1996. 271 p. (In Russ.).

9. *Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914* / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 327 p.

10. Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894. Königsberg, 1929. 219 p.

11. Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1985. 272 p.